

Ю Р И Й
ГАЛЕНОВИЧ

СТАЛИН
И
МАО

Друзья и соперники

ЯУЗА-ПРЕСС
МОСКВА
2017

УДК [94](47+57)+(510)
ББК 63.3(2)6+63.3(5Кит)
Г15

Галенович, Юрий Михайлович.

Г15 Сталин и Мао. Друзья и соперники / Юрий Галенович. — Москва : Яуза-пресс, 2017. — 640 с. — (Китай и Россия).

ISBN 978-5-9955-0932-5

В драматической истории XX столетия И. Сталин и Мао Цзэ-дун занимают особое место. Лидеры двух великих держав, ввергшие свои народы в пучину глубочайших потрясений, эхо которых не угасло по сей день... Их взаимоотношения были крайне сложными. В большой политической игре нашлось место и взаимным подозрениям, и интригам, и вероломству.

В своей книге виднейший российский китаевед, автор многочисленных публикаций по новейшей истории Китая Юрий Михайлович Галенович подробно раскрывает подоплеку событий 1940—1950-х гг., показывая сложность и противоречивость того времени, всю неоднозначность мотивов и поступков вождей, вершивших судьбы сотен миллионов своих сограждан.

УДК [94](47+57)+(510)
ББК 63.3(2)6+63.3(5Кит)

ISBN 978-5-9955-0932-5

© Галенович Ю.М., 2017
© ООО «Яуза-пресс», 2017

Предисловие

Всего три с половиной года, с конца 1949 года по начало 1953 года, Сталин и Мао Цзэдун находились в равном положении, то есть обладали высшей властью и в своих партиях, и в своих государствах. Именно тогда, с их благословения, пропаганда обеих партий, и ВКП (б) — КПСС, и КПК, рисовала картину советско-китайских отношений самыми розовыми и радужными красками, внушая простому человеку мысли о нерушимости советско-китайской дружбы и о том, что у этих двух народов есть два вождя: Сталин и Мао Цзэдун; вожди были как бы равновеликими, их имена составляли один ряд, правда, в этом ряду имя Сталина ставилось перед именем Мао Цзэдуна.

В нашей стране была создана песня «Москва — Пекин», под которую каждую неделю с Ярославского вокзала уходили поезда в Пекин. Помнится, что в этой песне были такие слова:

Русский с китайцем братья навек.
Крепнет единство народов и рас.
Плечи расправил простой человек.
С песней шагает простой человек.
Сталин и Мао слушают нас! Слушают нас!

(С последней строкой первого куплета происходили метаморфозы вслед за переменами в политике партии. Когда Сталин умер, в текст внесли изменения, и он стал звучать так: «Сталин и Мао в сердце у нас! В сердце

у нас!»; когда же Сталина в нашей стране раскритиковали, а Мао Цзэдуна не сочли единственным высшим руководителем межкомдвижения, тогда слова песни изменили еще раз, и они стали выглядеть так: «Дружба навеки в сердце у нас! В сердце у нас!» Итак, имена Сталина и Мао исчезли, а их место заняла «дружба», о которой ранее в песне слов не было.)

Припев:

Москва — Пекин, Москва — Пекин,
Идут, идут вперед народы.
За светлый труд, за прочный мир
Под знаменем свободы.
Слышен на Волге голос Янцзы,
Видят китайцы сиянье Кремля.
Мы не боимся военной грозы,
Воля народов сильнее грозы.
Нашу победу славит земля! Славит земля!
В мире прочнее не было уз,
В наших колоннах ликующий май.
Это шагает Советский Союз,
Это могучий Советский Союз,
Рядом шагает новый Китай! Новый Китай! [1]

В тексте песни была заложена важная тогда, с точки зрения Сталина, пропагандистская установка о необходимости сохранения мира, с чем вряд ли полностью и именно в такой формулировке был согласен Мао Цзэдун.

В заключительном куплете песни опять проводилась мысль о том, что Сталин хотел бы видеть Мао Цзэдуна в одном строю с собой, его государство в одном лагере, в одном строю с СССР, но при этом на первом месте, в голове колонны должен был всегда оказываться Советский Союз, могучий Советский Союз, а новому Китаю отводилось место рядом

с СССР, но как бы чуть уступая ему первенство в движении и при принятии решений.

В КНР же, очевидно с благословения Мао Цзэдуна, в те же годы распевали свою песню:

Туаньцзе цзинь,
Туаньцзе цзинь,
Чжун Су жэньминь
И тяо синь.
Сыдалинь хэ Мао Цзэдун цзай линдао,
Баовэй шицзе чицзю хэпин.

Это означало:

Теснее ряды,
Теснее ряды,
У народов Китая и СССР единое сердце.
А во главе у нас Сталин и Мао Цзэдун,
Они защищают вечный мир на земле.

Мао Цзэдун скрепя сердце был вынужден мириться и с тем, что имя Сталина приходилось ставить перед его именем, и с необходимостью вторить Сталину тогда, когда тот настаивал на тезисе о необходимости сохранять прочный мир во всем мире.

Миллионы людей в обеих странах на протяжении нескольких лет жили под гипнозом такого рода лозунгов и слов. При этом большинство искренне верило, что все это так и есть на самом деле. Прозрение пришло, но оно пришло в результате мучений, на которые именно Сталин и Мао Цзэдун обрекли народы.

Сталин и Мао Цзэдун. Два тирана, два диктатора двадцатого столетия. Погубители десятков миллионов жизней в своих странах, вожди двух крупнейших государств-соседей. Политические и государственные деятели, номинально или формально объединенные одной идеологией — марксизмом-ленинизмом — и фактически разъединенные и, более

того, поставленные один против другого самой сутью своих воззрений и претензий на лидерство, на господство как в области идеологии, так и в геополитике. Сталин и Мао Цзэдун — это, так сказать, товарищи-соперники, это союзники поневоле.

В известной степени каждый из них выражал интересы своей нации, далее — своего государства-партии и, наконец, свои личные интересы. Ни один не желал, по сути дела, считаться с позицией другого. Компромиссы и соглашения между ними были взаимовынужденными, появлялись как результат упорной борьбы. Мао Цзэдун считал, что он со Сталиным сыграл вничью. Думается, что Сталин видел себя победителем в игре с Мао Цзэдуном. Всю тяжесть их борьбы пришлось нести народам обеих стран. Если Сталин был горем России, то Мао Цзэдун — горем Китая.

Сталин был практически хозяином в своей партии и в государстве задолго до того, как таким хозяином в своей партии стал Мао Цзэдун, и намного раньше того, как Мао Цзэдуну удалось в результате поражения его внутривнутриполитического соперника Чан Кайши создать свое государство — Китайскую Народную Республику. Иными словами, Сталин пришел к власти в своей партии на пять-десять лет раньше, чем Мао Цзэдун — в своей, а к власти в своем государстве Сталин пришел на двадцать пять — тридцать лет раньше, чем Мао Цзэдун в своем. Правда, и из жизни Сталин, который был на 14 лет старше Мао Цзэдуна, ушел раньше на 23 года.

Сталин и Мао Цзэдун общались друг с другом только однажды; это произошло в конце жизни Сталина в Москве, куда был вынужден поехать с визитом Мао Цзэдун. Это было довольно длительное и далеко не простое свидание. Оно продолжалось почти два месяца.

До той поры они связывались между собой либо путем переписки, обмена телеграммами, либо через доверенных лиц, посредников. При этом сыграли свою роль некоторые

политические фигуры. Существовал своего рода институт полномочных представителей. Отношения Сталина и Мао Цзэдуна осложняло то, что внутри КПК были деятели, которые делали ставку на помощь Москвы в своей борьбе за власть в КПК.

Две супруги Мао Цзэдуна, два его сына, его дочь либо провели в СССР по несколько лет, либо неоднократно бывали в нашей стране, что пытался использовать Сталин и чего не желал замечать Мао Цзэдун.

Уникальные это были лидеры, и уникальными были их отношения. Каждый из них был непоколебим в своем убеждении, что именно он и его партия, его идеология отражают коренные интересы не только его собственного народа, но и всего человечества, во всяком случае его трудящейся части. Они думали, что все, что они делают, осуществляется в интересах большинства простых людей. На самом же деле и тот и другой создали в своих странах тоталитарные режимы, партийно-государственные властные структуры, погубили миллионы и миллионы людей, своих сограждан, исторически отбросили свои страны и народы назад, задержали их развитие.

Сталин и Мао Цзэдун были несовместимы. Между ними не было и не могло быть взаимопонимания. Если казалось, что оно по каким-то вопросам существовало, то это было обманчивое, внешнее впечатление. Не было взаимопонимания, не могло быть и настоящей дружбы и тем более не могло быть искреннего союза.

Обстоятельства сложились таким образом, что войн или значительных военных столкновений между Россией (СССР) и Китаем (КНР) при Сталине и Мао Цзэдуна не было.

Отношения Сталина и Мао Цзэдуна важны и как контакты двух выдающихся личностей в мировой истории, и как связи лидеров двух крупнейших в двадцатом веке коммунистических партий и соответствующих государств, и как отношения руководителей двух великих держав, двух мировых наций.

Это были сношения периода постепенного, крайне замедленного взаимного знакомства наших двух наций, взаимного узнавания, приближения к взаимопониманию, нахождения решений ряда вопросов, закладывания основы для нормальных двусторонних отношений, выработки принципов двусторонних отношений.

Под этим углом мы и предпримем попытку рассмотреть некоторые представляющиеся нам важными стороны взаимоотношений Сталина и Мао Цзэдуна.

Коминтерн и суневец Мао Цзэдун

В начале 1950-х годов советский академик И. П. Бардин, посетив родную деревню Мао Цзэдуна Шаошаньчун, оставил в книге отзывов такую запись: «Горы дали Советскому Союзу Сталина, горы дали Китаю Мао Цзэдуна. Да здравствует советско-китайская дружба!» Очевидно, он искал нечто общее у Сталина и Мао Цзэдуна. Они для него были горными орлами или сынами могучих гор, исполинами... Академик И. П. Бардин не одинок в своих представлениях о Сталине и Мао Цзэдуне. Действительность была, однако, весьма сложной и противоречивой, а основа их взаимоотношений вовсе не такой же непоколебимой, как горы, будь то в нашей или в соседней стране.

Сталин и Мао Цзэдун слышали один о другом в первой половине 1920-х годов, когда Сталину было уже за сорок, а Мао Цзэдуну — за тридцать лет... Это были вполне сформировавшиеся политические бойцы. И тот и другой приняли марксизм-ленинизм, по сути дела, как инструмент осуществления своей политики, как подспорье в достижении власти над людьми.

Тогда Сталин еще не был первым руководителем ни в партии, ни в государстве. Ему только предстояла ожесточенная схватка в борьбе за место преемника Ленина, дни которого были, по сути дела, сочтены.

Мао Цзэдун вообще был лишь одним из деятельных функционеров своей крайне немногочисленной тогда партии. Он не был ее руководителем и даже не входил в число тех нескольких человек, которые тогда определяли политику партии.

Жизнь постепенно ставила Сталина и Мао Цзэдуна в ситуацию, когда некое взаимоприспособление становилось с годами неизбежным, так как оба они действовали в сфере политической и идейной борьбы, прежде всего каждый в своей стране, но и на международной арене, а наши страны были соседями, между ними была самая длинная в мире и одна из самых сложных в мире по своей истории сухопутная и речная граница. Кроме того, и в той и в другой стране в первой половине двадцатого столетия на арену идеологической и политической борьбы вынесло силы, которые имели между собой нечто весьма сходное или родственное.

В первой половине 1920-х годов имело место известное взаимодействие руководителей Коминтерна (фактически РКП (б)) и партии Гоминьдан Китая (ГМД). Одним из условий сотрудничества РКП (б) и ГМД была договоренность о разрешении членам КПК вступать в личном качестве в Гоминьдан и работать в его руководящих органах. Мао Цзэдун, будучи в то время одновременно членом двух политических партий, КПК и ГМД, заведовал одним из отделов ЦИК ГМД и старался закрепиться в этом положении. При этом он иной раз выступал как еще более правоверный гоминьдановец, чем иные «чистые» суневцы, как тогда называли сторонников Сунь Ятсена в нашей стране. Мао Цзэдун старался демонстрировать свою верность политике и принципам Сунь Ятсена.

В 1924 году член Дальневосточного секретариата Коминтерна, работник восточного отдела Исполкома Коммунистического интернационала молодежи С. А. Далин присутствовал на пленуме Центрального комитета Социалистического союза молодежи Китая, который был созван в конце марта в Шанхае. В работе пленума принимал участие Мао Цзэдун в качестве представителя ЦК КПК.

Судя по воспоминаниям С. А. Далина, Мао Цзэдун, выступая в ходе этого пленума, ссылаясь на новые «три принципа» Сунь Ятсена и утверждал, что Гоминьдан является революционной рабочей партией, которая должна быть принята в Коммунистический интернационал.

С точки зрения С. А. Далина, сам Гоминьдан на своем съезде в январе 1924 года даже не ставил вопрос о принятии его в Коминтерн. По уставу Коминтерна в каждой стране могла существовать только одна коммунистическая партия. Принятие Гоминьдана в Коминтерн означало бы признание его коммунистической партией и ликвидацию той, членом ЦК которой являлся Мао Цзэдун.

С. А. Далин также отмечал, что в своем выступлении Мао Цзэдун решительно высказался против классового подхода к китайскому крестьянству, против выдвижения лозунгов, которые противопоставляли одну часть крестьянства (безземельных арендаторов) другой — богатым собственникам. Он трактовал все крестьянство — и арендаторов, и земельных собственников, больших и малых, — как единый класс, противостоящий капитализму и иностранному империализму.

И, наконец, писал С. А. Далин, в своем выступлении Мао Цзэдун ничего не сказал по центральному вопросу пленума — о работе среди рабочей молодежи. [2]

Воспоминания С. А. Далина позволяют увидеть семена будущих расхождений между руководителями советских и китайских коммунистов, в частности между Сталиным и Мао Цзэдуном.

Анализ высказываний Мао Цзэдуна, о которых писал С. А. Далин, свидетельствовал о том, что их автор отражал тогда — а это было время, когда Сунь Ятсен был еще жив, — мнение твердых суневцев, которые, исходя из договоренности о взаимодействии с Москвой, вполне логично выдвигали предложение о вступлении ГМД в Коминтерн.

Тем более что в 1923 году, всего за несколько месяцев до описываемых событий, руководители Коминтерна сами предлагали Гоминьдану вступить в Коминтерн. В Москве, в том числе и Сталин, принимали мысль о допустимости, исходя из условий Китая, существования и деятельности двучленной или двусоставной партии, так сказать гибрида ГМД и КПК. Мао Цзэдун, отражая интересы руководства КПК, полагал, что принятие ГМД в Коминтерн укрепило бы по-

зиции коммунистов внутри ГМД. Позиция же Москвы была непоследовательной. Она то предлагала ГМД вступить в Коминтерн, то возражала против этого.

Далее, Мао Цзэдун выражал общий тогда для ГМД и КПК взгляд на китайское крестьянство как на силу, выступавшую, прежде всего, против двух врагов — капиталистов и иностранцев-империалистов. Здесь Мао Цзэдун опять-таки стоял на общих позициях ГМД и КПК, не переходя к пропаганде классовой борьбы, что немедленно привело бы к расколу между КПК и ГМД. Иначе говоря, выступление Мао Цзэдуна свидетельствовало, что речь шла о лидере, который с самого начала ратовал за самостоятельность в отношениях с Москвой и за поиск общности внутри Китая перед лицом даже своего единственного заграничного союзника, которым тогда была Россия. Мао Цзэдун уже тогда не желал играть роль послушного исполнителя очередных конъюнктурных указаний из Москвы, которые были противоречивыми, так как тогда общая линия Москвы в отношении ГМД и КПК не представляла собой чего-то цельного.

Сталин в Москве в то время видел главную реальную силу, с которой следовало сотрудничать, в Гоминьдане. КПК он считал только небольшим подспорьем в этой работе. Во всяком случае, думается, что эти детали поведения Мао Цзэдуна говорили о вероятности столкновения в будущем мнений Сталина и Мао Цзэдуна как двух лидеров, которые претендовали на господствующее положение или, по крайней мере, на полную самостоятельность в своих высказываниях, решениях и действиях.

Сталин, Мао Цзэдун и Чан Кайши

В момент окончания Второй мировой войны Сталин связывал будущее Китая с Чан Кайши. При этом он полагал, что все жизненные артерии Китая как в области политики и экономи-

ки, так и в военной сфере находятся в руках Чан Кайши, который пользовался поддержкой и помощью со стороны США.

В то же время на практике Сталин продолжал оказывать всемерную помощь КПК и Мао Цзэдуну. СССР оставался тогда надежным тылом и арсеналом для вооруженных сил КПК.

По отношению к Чан Кайши Сталин проводил тогда политику, представлявшую собой сочетание маневров во взаимоотношениях одновременно и с Вашингтоном, и с Нанкином.

Сталин уверял Вашингтон в том, что в Москве не считают Мао Цзэдуна лидером, способным взять под свою власть весь Китай. Сталин заверял американских партнеров в желании иметь дело с Чан Кайши. Таким образом, он удерживал США от вмешательства во внутреннюю борьбу в Китае.

Политика Сталина представляется сегодня единственно возможной в условиях того времени и, главным образом, содействовавшей наращиванию своих сил Мао Цзэдуну, способствовавшей успехам КПК в ее борьбе против Гоминьдана, в определенной степени нейтрализовавшей действия США.

Политика Сталина позволяла сохранять нормальные мирные отношения между Россией и Китаем и в то же время оставаться в положении того, кто прямо не вмешивается в борьбу сил в Китае, сохраняя за собой возможность при любом повороте событий в Китае быть нужным обоим противоборствовавшим силам.

Сталин, Мао Цзэдун и Киткомпартия

Сталин, будучи и по своей природе, и по подходу к вопросам политического характера, к оценке политических деятелей человеком крайне недоверчивым и подозрительным, не доверял Мао Цзэдуну.

Мао Цзэдун также и по характеру, и по стилю политической деятельности был столь же недоверчив и подозрителен, как и Сталин. Сталин не пользовался доверием у Мао Цзэдуна.